

мала и до велика“, подробно переданы переговоры между киевлянами и послом Изяслава Мстиславича. Та социальная среда, в которой возникла мысль о необходимости убить Игоря, выясняется из речей, произнесенных на вече. „Един человек“ напоминает о восстании 1068 года, поднятом киевскими ремесленниками и торговцами. В убийстве Игоря принимает участие „народ“, тогда как митрополит и тысяцкие выступают против решения киевлян, что им „не кончати добромь“ с Ольговичами.

В рассказе об убийстве Игоря мы не найдем указаний на его автора. В нем нет и прямых или косвенных указаний на то, что он написан дружинником, на первом месте в нем стоят не феодалы, а горожане, „вси кияне“. Автор рассказа даже не считает нужным порицать киевлян, приписывая приближенным Изяслава фразу, складывающую вину за убийство на самого Игоря и его родичей: „не ты его убил, но убили суть братия его“.¹

Если нельзя настаивать на том, что автором рассказа о смерти Игоря был безусловно горожанин, средневековый торговец или ремесленник, то нельзя и отрицать такой возможности. Во всяком случае такое предположение легче объясняет происхождение из городской среды рассказа о смерти Игоря, чем домыслы о княжеском дружиннике Изяслава как авторе летописного текста, сохранившегося в Ипатьевской летописи.

Центральная идея повествования о трагических событиях 1146—1147 годов выражена словами „бог за нашим князем и святая Софья“,² которые напоминают нам соответствующие выражения новгородских летописей.

Историки литературы, обращавшие внимание главным образом на церковную окраску летописных известий, почти игнорировали гражданские повести, включенные в наши летописные своды в виде особых повествований. Впрочем, за некоторыми из них утвердилось название „воинские повести“, которое заставляет думать, что такие повести вышли из феодально-военной среды, в частности из среды княжеских дружинников. Но это определение содержания повестей является чрезмерно сужающим их значение и может быть применено далеко не ко всем произведениям гражданского характера, включенным в летопись. Да и само военное дело не было исключительным достоянием дружинников, а было знакомо средневековым купцам и ремесленникам. Поэтому авторство повести о взятии Царьграда латинянами, вставленной в Новгородскую летопись под 1204 годом, с равным успехом может быть приписано как дружиннику, так и новгородскому купцу.

Почти уже прямое указание на автора, вышедшего из среды торговых людей, имеем в сказании об убийстве Андрея Боголюбского, помещенном в Ипатьевской летописи. Сказание это сложное по составу. Начало его представляет церковную похвалу Андрею, изображенному в виде мученика. В сущности рассказ о самом убийстве вводится словами: „се же бысть в пятницу“.³ Этот рассказ изобилует такими подробностями, что не остается сомнения в том, что он написан лицом, хорошо знакомым с описываемыми им событиями. Единственным человеком, позаботившимся о теле убитого князя, изображен некий Кузьмище Киянин. Имя его говорит о происхождении из Киева, на его социальное положение указывает следующее припоминание об убитом

¹ Летопись по Ипатскому списку, стр. 250.

² Летопись по Лаврентьевскому списку, стр. 302.

³ Летопись по Ипатскому списку, стр. 397.